

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. К. Сорокин

Государство
и предпринимательство в России
(Исторический опыт
предоктябрьской модернизации)

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1995_3_Sorokin.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Государство и предпринимательство в России (Исторический опыт предоктябрьской модернизации)

151

А.К.Сорокин

Кризис исторического сознания — одна из доминант протекающих в российском обществе процессов. Это находит свое выражение, в частности, в том, что реформирование общественной системы сопровождается постоянной апелляцией к зарубежным образцам при игнорировании собственного исторического опыта. Между тем, столетие назад российскому государству уже приходилось решать задачи по “насаждению” в стране высших форм товарного хозяйства и некоторые составляющие этого опыта небезынтересны с точки зрения сегодняшнего дня.

Как известно, одним из основных стимуляторов нынешнего стремления быстро провести рыночные преобразования была овладевшая активной частью российского общества идея об отставании страны от наиболее развитых стран мира. Похожие импульсы лежали и в основе реформаторских устремлений прошлого века, оформившихся после

поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг., ясно продемонстрировавшего утрату страной былых позиций на мировой арене. Приступая к реформам, объективно ведущим к формированию начатков гражданского общества, правительство России меньше всего думало о “введении” рыночных отношений. Последние явились лишь побочным продуктом индустриализации и всего комплекса преобразовательных мероприятий. Впрочем, “снизу” шел встречный процесс органического развития буржуазных отношений. Однако форсирование (пусть непреднамеренное) этого процесса оказалось неприемлемым для общества, что и привело к социальным потрясениям начала XX в.

Обращаясь к последним десятилетиям XIX в., нельзя, прежде всего, не обратить внимание на стихийный характер происшедшей тогда (как, впрочем, и разворачивающейся на наших глазах) трансформации общества. Трудно отрицать заслуги интеллектуального и идеологического центра экономических реформ, сложившегося вокруг тогдашнего министерства финансов и много

СОРОКИН Андрей Константинович, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала “Полис”.

сделавшего для прогрессивных в целом преобразований. Однако провозглашенная еще в 1860-х годах потребность заменить политику узкого “финансизма” “широкой экономической политикой, направленной на развитие народного труда и производительных сил страны”, так и не была реализована. Ни на одном из этапов этого весьма продолжительного периода преобразований не была выработана целостная концепция реформ, рассчитанная на долговременную перспективу, ни разу не была сформирована единая правительственная “команда”. Разобщенность, ведомственность внутренней политики, отсутствие скоординированного курса во многом и объясняют истоки нарастающих диспропорций общественного развития.

Причины непоследовательности и колебаний в выработке и реализации комплекса мер, развязывающих частную инициативу, достаточно очевидны — развитие частного предпринимательства противоречило системе государственного монополизма, проявившегося в тотальной регламентации отношений собственности, порядка их реализации, норм функционирования предприятий (как государственных, так и частных) и т.п. Важно и понимание роли бюрократии как “персонификации” государства, в действиях представителей которой проявлялось стремление установить не только государственный, но и личный контроль над функционированием капиталистической промышленности, встроить последнюю в существующую систему. В этих условиях поощрение частнопредпринимательской активности стало по преимуществу делом лишь одного ведомства — министерства финансов, проводившего свой курс посредством сепаратного (т.е. ведомственного) законодательства.

Начиная с 1860-х годов это ведомство взяло линию на форсированное строительство железных дорог, поддержку обслуживающих такое строительство крупных фирм, в т.ч. и в акционерной форме, привлечение иностранного капитала. Довольно скоро — в 1890-х годах — от поддержки и насаждения единичных крупных предприятий и отраслей министерство финансов перешло к поощрению индустриального развития страны вообще, что обуславливалось экономическим, социальным, политическим значением промышленности. Причем, если в условиях подъема основные усилия направлялись на стимулирование хозяйственной активности, то во времена кризисов и депрессий делался упор на поддержку и спасение (теми же средствами государственного вмешательства) действовавших предприятий. Иными словами, уже с 1870-х годов Россия знала и активно использовала те формы государственного регулирования,

которые получили распространение на Западе лишь в период “великой депрессии” 1929–1933 гг.

Реализовать программу индустриализации, идеология которой была оформлена в 1893 г., предполагалось в течение 10 лет (до предстоявшего в 1904 г. пересмотра русско-германского торгового договора). Как говорил С.Ю.Витте, занявший в 1892 г. пост министра финансов, “не будучи страной не только земледельческой, но и промышленной”, Россия не могла быть великой мировой державой. Создание национальной промышленности должно было обеспечить активный характер внешнеторгового баланса, создать дополнительный источник налогов поступлений, новые рабочие места.

Курс на развитие промышленности и частнопредпринимательской деятельности зачастую осуществлялся министерством финансов вопреки политике других ведомств. Это было возможно, с одной стороны, вследствие традиционного сепаратизма в их деятельности, а с другой — благодаря громадному влиянию Витте, опиравшегося на личную поддержку Александра III, а затем (в меньшей мере) — Николая II. Однако возможности министра финансов и его единомышленников были далеко не безграничными. Проводимая ими политика нередко наталкивалась на ожесточенное сопротивление, принявшее наиболее острые формы во время кризиса 1899–1903 гг. и в последующие годы.

Руководство министерства финансов увидело в упомянутом кризисе следствие того, что “промышленность насаждалась и развивалась без соображения с покупательной силой населения”, проявление противоречия между развитой промышленностью и отсталым аграрным сектором. Поэтому сторонники частнопредпринимательского промышленного развития — Витте, В.И.Ковалевский, Д.И.Менделеев — пришли к заключению, что на данном этапе проблема “насаждения” промышленности сменялась проблемой обеспечения условий для нормального прогрессивного развития индустриального сектора. Путь к решению этой задачи им виделся в ускорении развития сельского хозяйства на базе его реформирования. Напротив, земельная аристократия считала экономический кризис доказательством порочности курса Витте как такового и добивалась переориентации государства на поддержку крупных аграриев (без какого-либо реформирования аграрного строя и поощрения предпринимательских начал на селе). В конечном итоге позиция противников Витте взяла верх. После революции 1905–1907 гг. правительство перешло от политики поддержки частной промышлен-

ности к политике обеспечения независимости казны от рыночной стихии — путем усиления госсектора, создания казенных предприятий и передачи им важнейших заказов. В правительственных кругах возобладало мнение, что модернизация торгово-промышленного законодательства не должна предполагать отказа от сложившихся ограничений норм. Сохраняя огромное госкапиталистическое хозяйство и командные высоты в кредитной сфере, царизм утратил ориентацию на стимулирование индустриализации страны. В 1907–1914 гг. условия развития промышленности не только не были улучшены, но и ухудшились: вследствие испытываемых казной затруднений было увеличено налогообложение промышленных предприятий, возросли железнодорожные тарифы, сократились казенные заказы.

Поскольку развитие высших форм товарного хозяйства оставалось делом одного ведомства, так и не став целью политики правительства в целом, оно сопровождалось немалым количеством издержек финансово-экономического и социального порядка. В частности, “насаждая” крупную промышленность, государство использовало традиционный опыт феодальных по своему существу привилегий, что вело к разбазариванию государственных средств, различным злоупотреблениям, распрстранению коррупции в госаппарате, от которого зависело не только предоставление тех или иных льгот, но и учреждение фирм вообще. Последовательное внедрение начал капиталистического предпринимательства — конкурентный механизм предоставления концессий, заказов, отказ от совмещения предпринимательской и государственной деятельности и т.д., — вокруг которых так долго “ходило” (и так и не дошло) тогдашнее российское правительство, могло бы значительно сократить подобные издержки.

К числу последних безусловно относятся высокая степень монополизации промышленности. Истоки формирования монополий кроются в особенностях индустриализации страны. Объективная логика форсированного развития с целью преодоления отставания определяла курс на поощрение крупнейших фирм, способных в короткие сроки дать наибольшие объемы производства. Правительство видело в них носителей передовой техники, технологии, а в концентрации промышленности — средство рациональной организации производства и сбыта. Отсюда и хорошо известная историкам система льгот и привилегий для “фаворитов” казны. Неизбежно возникавшие тесные связи, “сращивание” аппарата государства и аппарата монополий, видимо, и стали причиной того, что в своих взаимоотноше-

ниях с крупным бизнесом государство просмотрело ту зыбкую грань, которая отделяет “полезное” крупное предпринимательство от “загнивающих” монополий. Сформировавшись при активном участии государства, монополии стали вздувать цены на продукцию и ограничивать масштабы производства. Характерно, что наиболее ярко эти системные качества монополии проявились в нефтяной промышленности — единственной из всех отраслей, сокращавшей объемы производства (причем в годы хозяйственного подъема), но обеспечивавшей себе при этом рекордно высокие прибыли. (Не сопровождаемая антимонопольными мерами приватизация нынешних супергигантов “социалистической” индустрии, полностью лишенных внутренней мотивации к повышению эффективности, способна дать и, кажется, уже дает весьма схожий результат.)

Несмотря на непоследовательность и — во многом — непродуманность политики индустриализации, на рубеже веков в России были достигнуты темпы роста, значительно превосходившие аналогичные показатели в более развитых странах Запада. В немалой степени это было обусловлено привлечением в экономику страны иностранного капитала. Первоначально, правда, преобладала ссудная форма импорта капитала (государственные и гарантированные государством займы), привязывавшая правительство России к его кредиторам. Частный производительный капитал долгое время шел в страну с большой неохотой. Такое нежелание (как и сегодня) во многом объяснялось вполне тривиальными причинами — юридической необеспеченностью прав иностранных компаний и граждан и ограничениями в их деятельности, а также боязнью финансовых потерь вследствие беспрестанных валютных колебаний (с тенденцией к обесцениванию) курса бумажного рубля. Однако в последние годы XIX столетия ситуация начала меняться. В 1897 г. была проведена денежная реформа, обеспечившая Россию твердой (фактически свободно конвертируемой) валютой. Сепаратное законодательство министерства финансов сняло многие ограничения, налагавшиеся на предпринимательскую деятельность иностранных граждан. Важным стимулом к увеличению промышленных инвестиций из-за рубежа стало оформление к началу 1890-х годов по сути запретительной таможенной системы, сделавшей ввоз товаров в страну относительно невыгодным по сравнению с ввозом капитала (введению запретительных таможенных тарифов предшествовал период широкой товарной интервенции).

В то же время правительство так и не смогло отказаться от широкомасштабных

государственных займов, необходимость которых во многом предопределялась неразумной кредитной политикой и значительными процентами по предшествующим долгам. В годы первой мировой войны кредитно-финансовая система России уже просто не могла функционировать без займов из-з рубежа в виде ежемесячных (!), согласно заключенным договорам, кредитов (примерно также, поквартально, выделяет траншами свои кредиты России МВФ).

Специально отметим, что и в тот период, как и сегодня, проблема иностранного участия вызвала острые коллизии в общественном сознании. Совершенно необходимые, по мнению практически всех последних министров финансов, иностранные инвестиции рассматривались землевладельческой аристократией и представителями высшей бюрократии как угроза их собственному положению (не одобряла их, однако, и радикальная интеллигенция). "Свободу рук" иностранный производительный капитал (как, впрочем, и отечественный) так и не получил (ограничение прав землевладения в ряде регионов, разрешительный характер учреждения, требования к национальному составу администрации акционерных компаний и т.п.). И это понятно. В отличие от госзаймов, использовавшихся чаще всего в целях поддержания режима, частные промышленные инвестиции, способствуя развитию капиталистических отношений, прямо угрожали докапиталистическим укладам в экономике и соответствующим формам социально-политического устройства.

Ситуация противостояния, имевшая, на первый взгляд, вид механизма сдержек и противовесов, препятствовавшего чрезмерному притоку инационального капитала, в действительности таковым не являлась. Неконструктивность позиции властей держащих, не располагавших четко продуманной концепцией политики по отношению к иностранным инвестициям, сводила на нет возможные плюсы последовательной регулирующей политики. Ее следствием было отнюдь не регулирование процесса капиталовложений (что в тех, как и в нынешних условиях, учитывая существующий валютный курс и некоторые другие факторы, было действительно необходимо). Сохранялись лишь бюрократические рогадки со всеми вытекающими негативными последствиями, в т.ч. и для самой управленческой системы (коррупция и т.п.)

Угроза, которая виделась многим современникам в широкомасштабном проникновении в страну иностранного капитала, на деле была не столь уж велика. Как отмечают многие отечественные и зарубежные исто-

рики, двух десятилетий функционирования частных иностранных инвестиций в экономике России оказалось достаточно, чтобы вполне определилась тенденция к растворению иностранных капиталов в отечественных. Параллельно к российским предпринимателям переходит и роль "капитанов" индустрии, а замедлившийся поток внешних инвестиций начинает приобретать обезличенную форму.

Анализируя политику российских властей и поведение предпринимателей, нельзя также не отметить практически полное отсутствие внимания с их стороны к социальной стороне преобразований. Основная масса населения по сути оказалась вне процессов "капитализации" страны. Вхождение людей в рынок явно отставало от темпов роста самого рынка и обогащения новой элиты. Мало что было сделано для того, чтобы превратить людей в собственников, сформировать у них психологию, адекватную рыночным отношениям, и в то же время дать им реальную возможность ощутить выгоду такого рода отношений через получение дохода, пусть даже в пассивной — рентной — форме. Стоимость облигаций государственных займов и акций акционерных предприятий была в России (в отличие от западной практики) весьма высока, что делало их недоступными для подавляющего большинства населения. Между тем вовлечение в отношения собственности нового — рыночного — типа широких слоев населения могло если не предотвратить, то значительно сгладить ту резкую поляризацию общества, которая в конечном итоге и выразилась в социальных потрясениях 1917 г. (не менее остро, правда, по другим — хорошо известным — причинам, эта проблема стоит и сегодня).

Вкратце коснемся сельского хозяйства, где развитие предпринимательства явно отставало от уровня, достигнутого в индустриальном секторе. Диспропорции в развитии этих двух составляющих народного хозяйства и стали одной из главных причин экономического краха России в годы первой мировой войны и нарастания социального недовольства. Индустриализация конца XIX в., как и впоследствии сталинская, проводилась за счет ограбления крестьянских масс. "Не доедим, а вывезем", — говаривал министр финансов И.А.Вышнеградский, поощряя хлебный экспорт по бросовым ценам и увеличивая налог обложение крестьян. Однако не прошло и десяти лет, и сменивший Вышнеградского на посту министра финансов Витте вынужден был констатировать "истощение платежных сил" крестьянства. Но осознание этого факта было чисто словесным. Практические действия

последовали заметно позже — когда под влиянием событий 1905 г. с крестьян, наконец, были сложены выкупные платежи (по форме 1861 г.).

Другой причиной кризиса в аграрном секторе страны было сохранение общины, сковывавшей развитие производительных сил и буржуазных отношений в деревне. Существование общинного устройства всячески поддерживалось правительством, и лишь в 1900–1910-х гг. ненадолго восторжествовало мнение (многократно высказывавшееся и прежде) о необходимости разрушения общины и насаждения в деревне частного хозяйства. Вместе с тем, аграрную реформу, получившую название столыпинской, по всей справедливости оценили как слишком запоздавшую не только исследователи-историки уже нашего времени, но и некоторые наиболее проникательные ее современники. Курс на ее форсирование неизбежно оказался связан с принудительными мерами, что стало еще одним детонатором социального недовольства.

Трудности в формировании и реализации курса реформ лежали отнюдь не только и не столько в плоскости личных качеств последних российских монархов и даже, может быть, не в свойствах политической надстройки. Концессионный (разрешительный) характер торгово-промышленного учредительства, регламентация и чрезмерная опека имущественных сделок, система казенных привилегий и полуфеодалных монополий и т.п. лишь обозначали место государства как структурного элемента в механизме реализации нарождающейся буржуазной собственности. Гипертрофия его функциональной роли несомненно была унаследована от докапиталистического периода развития страны и усугублялась историческими особенностями формирования российской государственности. Те же самые причины лежали в основе формирования огромного (и неэффективного) государственного сектора экономики.

Именно эти факторы (роль государства в отношениях собственности и огромная ресурсная база госсектора в экономике) создавали и продолжают создавать возможность (часто иллюзорную) реализации мобилизационной модели развития, осуществления догоняющего рывка. И правительства России, независимо от их идеологической ориентации, время от времени поддаются подобному соблазну. Между тем мобилизационная модель, как правило, крайне неэффективна. Имея в качестве важнейшей составляющей субъективный фактор (психологический уклад жизнедеятельности населения, общественные умонастроения и т.п.), она неизбежно весьма скоро оказыва-

ется (в результате действия временного фактора) исчерпанной и сменяется фазой покоя, иначе говоря — застоём. Не менее важным является и то, что подобного рода модель не осуществима без активного участия государства. Постановка задачи форсированного развития в общенациональном масштабе неизбежно требует использования инструмента такого же масштаба. В результате государство получает дополнительный предлог для вмешательства во все сферы жизни общества.

Какие же уроки можно извлечь из опыта модернизации России на рубеже XIX–XX вв.? Первое (и это подтверждается не только российским, но и мировым опытом) — недопустимость прямого участия государства в экономике (хотя бы по причине его неэффективности). Современное государство должно освободиться от функций, доставшихся ему в наследство от докапиталистических формаций, и, используя макроэкономические регуляторы, задавать “правила игры” и обеспечивать их соблюдение независимыми субъектами экономики. Для осуществления этой задачи на практике одного стремления реформаторов в госаппарате заведомо недостаточно, ибо любая система стремится к целостности, в данном случае — ко всеобщему госмонополизму. Преодолеть последний возможно лишь целенаправленными совместными усилиями реформаторов и гражданского общества, включая в первую очередь представителей бизнеса. Общественно-политическое самоопределение этой группы является, поэтому, задачей первостепенной важности. В то же время необходимо, чтобы преимущества рыночной системы почувствовали самые широкие слои населения — не только пассивно, через насыщение потребительского рынка товарами, но и активно — через получение дохода. Наиболее простой способ добиться этого — широкое распространение ценных бумаг, но в цивилизованной, а не в уродливой, как сегодня в России, форме. Очевидно также, что при прочих равных процесс реформ должен быть эволюционным, стимулирующим и поддерживающим, но не форсирующим процессы органического развития рыночных отношений.

Не менее насущной задачей является демонополизация экономики. Системные качества абсолютной монополии проверены историей и не могут быть отнесены к современным формам организации бизнеса. В наших условиях это, помимо всего прочего, предполагает преодоление вполне очевидного и объективно обусловленного сращивания государственных и предпринимательских структур. Настоятельной является и потребность в привлечении в страну ино-

странного капитала, причем не в виде государственных займов (если не попросту разбазариваемых, то используемых по преимуществу на нужды самого государства, точнее, аппарата управления), а в виде прямых промышленных инвестиций. Такого рода инвестиции, как правило, не налагают на страну имущественных обязательств: предпринимательский риск остается за предпринимателями. В то же время общество получает ощутимую отдачу в виде товаров, технологий, рабочих мест, отчислений из прибыли в виде налогов и т.д. Задача государства — обеспечить соответствующие условия. Важнейшие из них — внутриполитическая стабильность, правовое обеспечение имущественных прав, свободы и безопасности предпринимательства, конвертируемость валюты. Видимо, должно сыграть свою роль и введение таможенных барьеров (что к тому же защитит интересы отечественных производителей), — но после периода широкой товарной интервенции для снижения инфляционного спроса и

обеспечения отечественной промышленно-сти оборудованием, а отчасти и сырьем.

И последнее. Сознательный выбор пути модернизации общества (в условиях незрелости процессов органического развития) делает исключительно важной выработку правительственной программы, адекватной поставленным целям. Едва ли не самое важное требование к такой программе — реализация системного подхода к реформированию экономических и политических институтов, что подразумевает преодоление всех проявлений государственного монополизма, а затем — последовательное проведение этой программы в жизнь. Есть ли у российских властей временные резервы для реализации подобного пути, сказать не беремся: определять состояние и потенции экономики — дело профессиональных экономистов. Если таких резервов нет и мы в очередной раз обречены участвовать в спринтерском забеге на марафонскую дистанцию, то общество должно это знать и быть готовым минимизировать издержки этой гонки.